

ПРИРОДОВЕДЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В «НАЗИРАТЕЛЕ» (XVI в.)

The article analyses lexical-semantic groups of the nominations of some scientific conceptions in the text of "Naziratel". It's stated that the natural scientific terminology originated yet in XVI century and that fundamentals of the scientific style originated in Russian literary language of the XVI century.

Возникновение и формирование функциональных стилей изучаются исторической стилистикой, недавно выделившейся в самостоятельную научную дисциплину из истории литературного языка (см. Кожина 1993). В настоящей статье рассматривается зарождение терминологии как элемента функционального научного стиля русского языка.

Возникновение элементов научного изложения на базе естественного языка наметилось уже в XVI в., что нашло отражение в памятниках письменности. Начальный этап развития естественнонаучной терминологии прослеживается в «Назирателе», переводном памятнике сельскохозяйственной литературы XVI в., который почти не исследован, а между тем рукопись исключительно интересна для изучения истоков научного стиля в русском языке. Данное произведение представляет собой подробное практическое руководство по земледелию, огородничеству и садоводству. Кроме собственно сельскохозяйственной лексики, в тексте встречаются названия явлений, относящихся к области медицины, биологии, географии. Терминологии в полном смысле слова тогда еще не существовало, но содержание памятника обуславливало употребление слов, обозначающих научное понятие.

Поскольку текст «Назирателя» отражает начальный этап развития естественнонаучной терминологии, научное понятие часто обозначается несколькими номинациями, которые можно объединить в одну лексико-семантическую группу. Лексико-семантические группы слов представляют собой «объединения двух, нескольких или многих слов по их лексическим значениям» (Филин 1982, 230). В нашем случае это синонимические группы слов, обозначающих одно понятие. Некоторым из этих номинаций в тексте дается развернутое определение, которое представляет собой фрагмент текста, содержащий или просто дефиницию, или описание, или сопоставление явлений и понятий. С точки зрения изучения истоков естественнонаучной терминологии представляется целесообразным уделить рассмотрению таких дефиниций особое внимание. Рассмотрим некоторые понятия из тематической группы, описывающей физиологию растений.

Для обозначения понятия «древесный сок» в тексте используются следующие номинации: *сокъ, потенция, сила, крепость, мокрота, пища, корм, живность*.

Сущность понятия раскрывается в тексте с помощью следующего определения: «... въ древеи всяком три суть части... первая часть есть которую латинници нарицают *потенция*, сиречь *сила* или *крепость*. се же есть дело оное с котораго может что быти, или склонение прироженное на то что еще быти может. как то с волны или из ширсти бывает сукно а не секира или топор или что инаго. потому что в ширсти нетъ таковыя крепости, ниже склонения прироженного ко образу секиры и прочая, таковая крепость в древеи есть оная *мокрота*. которую нарицаем *сокомъ*» (с. 203).

Особое место при обозначении понятия принадлежит словам *потенция* и *сок*. Первым, как отмечает переводчик, пользовались «латиняне», словарное значение – «сила, мощь (ср. ст.-польск. *potencya* и лат. *potentia*)» (Сл. XI–XVII, XVII, 230). Для иллюстрации значения в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» приведен пример только из «Назирателя», возможно, лишь в этом памятнике слово используется в данном значении. Другое сло-

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Назиратель

во исконное (встречается, как отмечает И.И. Срезневский, уже в памятниках XI в.): *сокъ* – «жидкость, сок» (Срезн., III, 1, 460). Именно слову *сок* в тексте дается развернутое определение: *сокъ убо есть мокрота которую корень во свои поры или дирки тягнуци подает древу к его живности. тако ж и к размножению летораслей* (с. 206).

Характерным признаком лексико-семантической группы является наличие родо-видовых отношений между ее членами. В данной лексико-семантической группе особое положение занимает слово *мокрота*, имеющее более общее значение по сравнению с другими номинациями. Словарное определение – «свойство, состояние мокрого, жидкого; сырость, влажность; влага в живых организмах» (Сл. XI–XVII, IX, 237–238). Слово *мокрота* дает общую физическую характеристику явлению, указывая на то, что это жидкость. Такая характеристика настолько важна, что именно это слово чаще всего используется при номинации понятия «древесный сок»: *мокрота древо питающая, или оживляющая* (с. 206); *мокроту которая бы имела сходится в корения к его прохладению. таково ж и к живности или к корму древеси* (с. 202); *притягают и привлекают в себя мокроту из земли к своей живности* (с. 204). Кроме того, это слово часто используется при характеристике других номинаций этой группы: *въ древесех... пища их или корм сиречь мокрота от корня въ верхъ восходитъ* (с. 215–216); *мокротные живности* (с. 203); *мокротные пища древесъ* (с. 412); *...мокрота. которую нарицаем сокомъ* (с. 203); *сокъ убо есть мокрота...* (с. 206).

Остальные номинации используются переводчиком для пояснения, определения или описательной характеристики понятия. Так, употребление переводчиком слов *сила* и *крепость* при характеристике понятия «древесный сок» подчеркивает значение жизненности, силы, указывает на потенциальные возможности явления. Слово *сила* исконное: оно отмечается в памятниках с XI в. (см. Срезн., III, 1, 460). И имело в древнерусском языке значение «естественная способность, свойство; мощь, сила телесная» (Срезн., III, 1, 348). А слово *крепость*, также исконное, отмечается в памятниках с X в. (см. Срезн., 1, 2, 1351), значение «твердость, прочность, крепость; физическая сила, мощь» (Сл. XI–XVII, VIII, 36).

Номинации *пища*, *корм*, *живность* указывают, прежде всего, на питательную функцию древесного сока, значения всех трех слов содержат смысл «питание»: *пища* – «то, что едят и пьют, что необходимо для поддержания жизни, пища; питание, пропитание» (Сл. XI–XVII, XV, 63). *Кормъ* – «еда, пища, корм для скота» (Сл. XI–XVII, VII, 316). Приведем пример из текста: *...въ древесех... пища их или кормъ сиречь мокрота от корня въ верхъ восходитъ* (с. 215–216). Слово *живность* также имеет в своем семантическом объеме значение «питание, пища вообще» (Сл. XI–XVII, V, 100). Именно такое значение реализуется в тексте памятника: *древеса и травы растут и множатся с мокротные живности которую всегда беспрестани приемлют* (с. 203). Из трех приведенных слов только слово *живность* не является исконным, оно отмечается в памятниках деловой письменности лишь с XVI в.

Наиболее удачной номинацией для обозначения данного понятия среди всех вышеприведенных синонимов оказалось слово *сок*, которое наиболее полно отразило сущность понятия, и именно за ним закрепился терминологический статус не только в русском, но и в других восточнославянских языках: *сок* (укр. *сік*).

Понятие «капилляр, сосуд в растений» выражают слова: *жила, дорога, дорожка, стежка, креска, чертеж, спица*.

Приведем фрагмент текста: *«стежки или дорожки некие которыми пища ихъ или кормъ. сиречь мокрота от корня в верхъ восходитъ. и се нарицают жилами, сицевые коле прямо вверху тягнуться, тогда и древо*

возрастает прямо... иногда опять *жилы* таковые не прямо и не просто но круто походят. и того для дерево завилое и крутое бывает. и нерпосто взростает. и коли таковые *жилы*... застановляются о другие поперег идучие. тогда и оный кормъ. который ими тягнется бывает застановленъ. таковые ж *дороги* которых здесь *жилами* нарицаемъ. иногда происходят от кореня вверх что *крески* или *чертежи* некие. а иногда опят от середины выходят в край дерева. какъ бы *спицы* из середку круга выведенные къ кругу. и то есть обычаи *жить* предреченныхъ» (с. 216–217).

При номинации понятия в памятнике особой терминологической значимостью часто обладает слово, употребленное в сочетании с глаголом *нарицать*. В данном случае это слово *жила*. Основное значение «кровеносный сосуд, вена» (Сл. XI–XVII, V, 110) в памятниках в этом значении фиксировано с XII в. (Сл. XI–XVII, V, 110). Значение «капилляр, сосуд у растений» в словаре иллюстрировано только примером из «Назирателя». Вероятно, оно выбрано переводчиком в результате переноса значения по функции: *жила* – «кровеносный сосуд, вена» → *жила* – «капилляр, сосуд у растений».

У слова *дорога* в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» наряду с традиционным значением «дорога» отмечено значение «путь, проход для растительных соков, сосуд растения» (Сл. XI–XVII, IV, 323). Его иллюстрирует только пример из «Назирателя». Соответствующее значение слова *стежка* в словарях не отражено (однако работа над «Словарем русского языка XI–XVII вв.» не окончена, и лексикографической разработки данного слова пока нет). Однако слово *стежка* являлось в древнерусском языке абсолютным синонимом слова *дорога*. *стежка* – от *стезя* – «путь, дорога» (Срезн., III, 1, 585). Терминологически сходное употребление этих двух слов в тексте «Назирателя» дает право говорить о наличии также и у слова *стежка* значения «сосуд растения».

Слова *креска*, *чертеж* и *спица* употреблены в тексте как средства сравнения, что подчеркивается употреблением при них союзов *что, как бы*. Слова *креска*, *чертеж* используются при описании вертикальных сосудов. Слово *креска* польское: *kreska* – черта. Словарное значение («черта, линия» (Сл. XI–XVII, VIII, 39)) иллюстрируется только примером из «Назирателя», вероятно, этот полонизм не имел широкого распространения. Слово *чертеж* в древнерусском языке имело значение «отметка, грань; чертеж» (Срезн., III, 2, 1560). Корень слова является исконным, но само слово фиксировано в памятниках лишь с XVI в. (Срезн., III, 2, 1569). В данном контексте основанием для сравнения явилась сема «грань, черта, линия».

Объектом сравнения для слова *спица* являются горизонтальные, поперечные сосуды. Слово имеет значение «один из стержней, соединяющих втулку колеса с ободом» (Ожегов 1963, 746). Общей семой, признаком, давшим основание для сравнения, является поперечное расположение, радиальное соединение центра с краем.

Ни одно из слов, использованных переводчиком для обозначения понятия «сосуд дерева», не сохранилось в современной терминологии.

Понятие «мельчайшее отверстие сосуда» вводилось при помощи номинаций: *пора*, *дыра* (*дира*, *дирка*). *исход*, *исхождение*, *происхождение*, *шель*, *удеса* *сосудные*.

В тексте мы не находим пространной дефиниции понятия. В центре данной лексико-семантической группы – слово *пора*, номинация, которая является наиболее значимой, и переводчик вводит ее в текст как новую, а все остальные слова использует для толкования ее значения: *поры* или *дирки* (с. 200); *поры* или *диры* (с. 248); *поры*, *сиречь* *исхождения* *отверстыя* (с. 362); *поры* или *дирки* *исхождения* *суть* *удеса* *сосудные* (с. 208); в по-

ры сиречь в происхождения отверстые (с. 372); *поры и исходы в древе-си* – на поле пояснение: *щели* (с. 312).

В словаре М. Фасмера слово *пора* считается заимствованным из немецкого языка в XVIII в. (см. Фасмер 1987, III, 328). Но мы видим, что уже в XVI в. это слово появилось в «Назирателе» как заимствование из латинского языка (лат. *poros*) при посредстве польского. Новое слово *пора* вводилось в текст памятника для обозначения понятия «мельчайшее отверстие сосуда». В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» его значение определяется как «мельчайшее отверстие в древесной коре» (Сл. XI–XVII, XVII, 145) и иллюстрируется только примером из «Назирателя». Однако в самом памятнике наблюдается недифференцированность, размытость, даже двойственность значения. Чаще всего речь идет именно об отверстиях сосудов, с помощью которых происходит питание дерева: *кореня дерева старого, поры или дирки исхождения суть удеса сосудные к послуге. потому что ими сокь происходит к возрасту древесному* (с. 208–209); *входила мокрота земная в поры сиречь в происхождения отверстые* (с. 372); *древеса... имеют поры, сиречь исхождения отверстые, которыми бы удобнее тягнущаяся в нихъ мокрота из земли къ ихъ корму* (с. 362–363); *вода... затворяет все поры и исходы в древе-си* – на поле пояснение: *щели* (с. 312).

В некоторых других контекстах значение номинации кажется полностью тождественным значению «сосуд»: *поры ихъ или исхождения и жилки которыми сокъ из дерева во оwoць происходит* (с. 413); *древеса... не имеют черевъ ниже жил, точию поры или дирки, которыми тягнется в них сицевая живность* (с. 200–201). Здесь мы можем говорить о метанимическом переносе значения с части на целое.

Слово употребляется в тексте памятника также в значении «мельчайшее отверстие на коже человека»: *мокротной ж воздух... поры опять, их же некоторые сиротками, или дирками нарицаю в телеси отворяет* (с. 114–115); *мокрота его [навоза] своимъ курением теплым отвираючи поры [на поле пояснение – щели] или исхождения проходит тела высохлые, и отмягчает их много прибавляючи телу мерки* (с. 284). В следующем контексте переводчик указывает на сходство пор у растений и у человека: *о обычаи растения древес и травъ толко тое скажемъ, что оны имеют в себе поры исхождения, сиречь деры которые на человеческом телеси показуются во время стужи, нарицают же ихъ иные сиротками, теми оные притягаютъ и привлекаютъ в себя мокроту из земли къ своей живности* (с. 203–204). Такое значение данного слова в словарях древнерусского языка не отражено.

Слова, при помощи которых переводчик пояснял слово *пора*, имеют общую сему «отверстие, выход»: *дыра (диря)* – «дыра, прореха; отверстие, пролом; выемка, углубление» (Сл. XI–XVII, IV, 395–396). *Исход* – «место для выхода, выход» (Сл. XI–XVII, VI, 345). *Исхождение* – «выход за пределы чего-либо; исхождение» (Сл. XI–XVII, VI, 345). *Происхождение* – «выход, проявление» (Сл. XI–XVII, XX, 143), в этом выпуске словаря (1995 г.) у слова *происхождение* зафиксировано также значение «поры у растений», иллюстрируемое только примером из «Назирателя». Слово *щель* в словарях древнерусского языка лексикографически не разработано, но можно предположить, что его значение в XVI в. совпадало с современным, что подтверждает и употребление слова в тексте «Назирателя». В номинациях *исхождения отверстые* и *происхождения отверстые* прилагательное конкретизирует значение существительных.

Только номинация *удеса сосудные* не имеет семы «отверстие, выход»: *удеса* – от *удъ* – «часть, кусок; орган внешних чувств» (Срезн., III, 2, 1155). Прилагательное *сосудные* конкретизирует значение существительного. Та-

ким образом, номинация приобретает значение «часть сосуда, выходящая на поверхность коры».

При описании значения «мельчайшее отверстие на коже человека» к синонимическому ряду добавляется украинизм *сироты* – «прыщики, выступающие на теле от холода» (Словарь украинского языка, 1907–1909, IV, 123).

Как видим, ни одно из этих слов, в том числе слово *пора*, не имело в древнерусском языке значения «мельчайшее отверстие в древесной коре». Вероятно, само понятие еще к тому времени не вполне сформировалось. Однако со временем для обозначения этого понятия стал употребляться именно термин *пора*. Различные номинации, которые переводчик употреблял для пояснения этого слова, в данном значении не закрепились.

Таким образом, в тексте памятника XVI в. «Назирателя» для обозначения одного научного понятия могло использоваться несколько номинаций (неспециализированных слов русского языка и иноязычных заимствований), которые можно объединить в лексико-семантическую группу. Терминологическое значение отдельных членов такой группы подчеркивало наличие дефиниций, другие использовались для пояснения или описательной характеристики понятия. Анализ таких групп наименований позволяет проследить зарождение естественнонаучной терминологии в тексте памятника, что свидетельствует о зарождении и развитии основ стиля научного изложения уже в XVI в.

Сокращения

Сл. XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980–1996. Вып. 1–23 (издание продолжается).

Срезн. – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Ротапринтное издание. М., 1989.

ЛИТЕРАТУРА

Кожина М.Н. Статус исторической стилистики // *Stylistyka* 2. Opolé, 1993.

Назиратель / Ред. Котков С.И. М., 1973.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1963.

Словарь украинского языка: В 4 т. / Ред. Б.Д. Гринченко. Киев, 1907–1909. Т. 4.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 3.

Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М., 1982.

Ефимчик Ольга Евгеньевна – аспирант кафедры русского языка БГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е.И. Янович.